

Хозяин. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://seminvitaly.ru/> приятного чтения!

Хозяин. Виталий Николаевич Сёмин

Брюшко комара, который сидит у него на щеке, уже начинает розово светиться. Старик очень стар, нервы его притуплены, боли он не чувствует. Я говорю:

– Комар у вас на щеке, сгоните.

– Да, – соглашается он, – садятся, – и вяло машет рукой возле щеки. Говорит: – Я жил здесь, меня не заливало. Соседи мне говорили: «Уходи, а то завтра поплывешь со всем, что у тебя есть». А я сижу на порошке, смотрю на воду и только наметил себе вот здесь. – Он показывает на две черные карандашные линии, прочерченные как раз там, где в других домах бывает чердачное окно. – Думал, если потоп будет увеличиваться, вырежу вот здесь, залезу на чердак и буду смотреть на потоп. Так и не ушел, пересидел дома. А соседней заливало, – добавляет он с гордостью.

Он очень стар, ему уже восьмой десяток. Я спрашиваю, как его здоровье. Он отвечает:

– А что здоровье? Теперь какое есть. На этом приходится основываться.

У него очки со слуховым аппаратом. Толстые заушники, над правой дужкой проволочка в белой изоляции. Очки со слуховым аппаратом – дело обычное, на он вдруг поражает меня тем, что протыкает пальцем стекло в очках и протирает этим же пальцем в углу глаза. Я не сразу соображаю, что в оправе нет стекол: старику они не нужны. Он говорит:

– Тут сад хороший был, деревьев много. Только после потопа они все посохли. Одно, правда, вот это, за домом – оно выше других стояло, – оно и уцелело. Болеет тоже, а стоит. А выросло из сливовой косточки. Сначала ветка была, я ее хотел срубить, а теперь смотри, какое дерево.

В своем доме он стоит, как чужой, не присаживается, не хочет мне мешать, говорит:

– А вы здесь работаете, что же – значит, так надо. Я молча киваю, тем более что «так надо» он произносит без вопроса, утвердительно. Сам я вопросов не задаю, не «завожу» его, чтоб он поскорее ушел. Но ему надо поговорите.

– Я этот дом у капитана купил. Раньше тут жил капитан – рассказывает он и смотрит при этом на стены, на низкий потолок, как будто ищет там подтверждения или приятных воспоминаний.

Мне трудно представить себе, что в этой ничтожной хибаре мог жить такой значительный человек, как капитан, и я спрашиваю:

– Какой капитан?

Старик не сразу понимает, почему я переспрашиваю. Капитан – это капитан. Он говорит:

– А на пароходах. Он и сейчас на пароходах... Потом он купил себе участок в городе, построился, а я у него эту хату купил. Я тоже хотел после войны купить в городе, но тут, на левом берегу, у меня сестра жила. И жена. Жена жила вот в том размытом доме. Вот в том, что солома торчит.

Дом этот и впрямь размыт совершенно. Остались две стены – ни пола, ни потолка. Потолок обрушился когда-то на пол, и потому на полу кучи глины, соломы, тряпья, консервные банки, бутылки и еще какой-то хлам, который кидают сюда, как в мусорный ящик. Крыша тем не менее местами сохранилась, зависла на уцелевших стропилах. Дом этот угловой, им начинается улочка, и его смертное зияние видят все: и те, кто плывет рекой, и те, кто идет берегом.

– Жена умерла, – говорит старик, – а мне за мой дом надо было в год семьдесят шесть рублей старыми платить. Страховка, аренда земли, налог. Мне это было тяжело, и я полдома продал. За четыре с половиной тысячи. Вот этой стены, –

Хозяин. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
показывает он в сторону печки, – тогда не было. Дверь там была. Вот этот шкаф сюда сквозь ту дверь проносили. А продал племяннице. Дом стеной переделали и все переделали. Сад, огород. А потом и племянница померла, а на ее половину вселилась другая женщина. Дрянь, – говорит он без особого выражения, без сожаления об умерших.

Он слишком стар для сожалений и просто отдыхает. Смотрит на стены, на выкрашенный в красную пожарную краску самодельный шкаф из дикта, в большую и малые дверки которого вставлены два куска зеркала. Кусок побольше и кусок поменьше. Оба куска зеркала давно помутнели, в самой глубине этих кусков густой туман.

– Да... Эта женщина печку поставила. Теперь в доме две печки... – Он задумывается или отдыхает, потом показывает на потолок: – А дом каждый год садится. Раньше он выше был, а все время садится. В кашу эту, в грязь. Как потоп, так и грязь.

Старик чужой в этом маленьком рыбацьем поселке и потому упорно говорит «потоп», а не «разлив».

– Его, конечно, можно бы отремонтировать, – говорит он о доме, – немного. Новым его не сделаешь. Когда его сломают, тут мало чем можно будет пользоваться. Так, несколько досок на растопку – в строительство они уже не будут годиться: труха. Но если тут зиму жить, можно было бы отремонтировать немного. Печку почистить. Она сейчас не горит: на короб сажи напало и ее в колене забито сажей. Но зачем я его буду ремонтировать, если его все равно сломают? Средства вкладывать...

Дом этот, как и все дома на улочке, должны скоро снести. Этот участок берега давно отдан строительной организации под базу отдыха. Строительная организация выделяет хозяевам домов квартиры в городе, а дома их или сносят, если они совсем ветхие, или ремонтируют, если есть, что отремонтировать. Домик моего хозяина обречен на снос, он давно уже разваливается, и сам хозяин уже два или три года живет в городе на квартире. Снимает за десять рублей угол у какой-то женщины. Ему трудно жить здесь, на левом берегу. В город добираться далеко: полчаса ходьбы здоровому человеку – летом через мост, зимой по льду через реку. А здесь ни магазинов, ни базара.

– Если бы магазины тут были, – говорит он, – я бы еще тут жил. Купил бы себе то, что мне надо, и сидел бы себе дома, доживал. Людей здесь только нет, совсем нет людей. Летом, правда, идут по дороге на пляж, я мог бы сидеть и на них смотреть, а зимой совсем никого. Но я бы тут жил, если бы магазины были, мне тяжело платить за квартиру десять рублей. Сколько же можно? Пенсия у меня шестнадцать. Вот теперь немного добавят.

Старик чаще сюда ходит в последнее время. Отмечается. Хочет получить за свой домик квартиру в городе, как и все, чьи дома сносят. А кто-то уже сказал прорабу, что он здесь не живет, что он переселился в город и что вообще ему пора в дом престарелых или на кладбище, а квартиру пусть отдадут тем, кто помоложе.

– Но это же все так, разговоры. А закон один. Дом этот мой. Я его купил за девять тысяч. Есть свидетели, документы, акт. Потом у меня домовая книга. Я в ней прописан. А домовая книга – это закон. Я пошел к прорабу, который будет здесь строить – он сейчас в городе работает, – и говорю: «Когда вы будете ломать?» А он мне отвечает: «Вы у меня спрашиваете? Может быть, вы мне скажете?» Отобрал у меня домовую книгу. «А то, говорит, к вам заходили, а вас нет дома. А где вас искать?» Расписку мне оставил. В случае чего я всегда могу предъявить расписку – вот здесь моя домовая книга. Участковый мне говорит: «Ты обязан жить там, где прописан». А если мне пройти сюда, как десять вагонов с углем разгрузить? Неживой идешь. Смотришь только, где бы скорее сесть отдохнуть. Ведь это же восьмой десяток.

Лицо его почти не меняется во время разговора. У него мало сил, и он уже не тратит их на мимику. Не хмурит брови, не морщится, не улыбается – ровное выражение лица. А вообще он волнуется. Бойтся, что квартиру ему не дадут. Просто приедут, сломают бульдозером дом, за который он когда-то заплатил девять тысяч старыми, – и все. Вот он и говорит, что домовая книга – это закон. Говорит, что вот на краю улицы поселились милиционеры с семьями, два года всего живут, а квартиры тоже хотят получить. А он здесь пятнадцать лет прожил. Но милиционеров поддержит райотдел, квартиры им дадут, а о нем уже говорят, что квартира ему не

Хозяин. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
нужна, что он хочет ею спекулировать.

– Попробуй поспекулируй, – говорит он все так же ровно, – мне на работу отсюда далеко.

Над домиком то и дело низко проходят самолеты – идут на посадку на городской аэродром. Отсюда, с улицы, они прекрасно видны: АНы, ИЛы, ТУ. Здесь они проходят уже с выпущенными шасси, наклонив нос в сторону аэропорта. И я прекрасно вижу и шасси, и закрылки, и дым от турбин, и слышу, как меняется, как переходит из фазы в фазу рев самолетных моторов. А с правого берега доносится не заглушенный ничем мощный голос портового диспетчерского динамика: «„Эрбете девять“, включите рацию! „Эрбете девять“, включите рацию!» Мужской голос вызывает буксиры со спокойной угрозой, а женский – с визгливой интонацией.

– А где вы работаете? – спрашиваю я старика с удивлением и еще раз окидываю взглядом его серенький чистенький пиджак, наглаженные, но будто пустые изнутри брюки, его фуражку-сталинку цвета хаки. Фуражка новенькая, недавно купленная, а пиджак и брюки не новые и не старые, из очень дешевой материи, с каким-то сиротским форменным рисунком на ткани: на сером фоне продольные черные полосы.

– В бане я работаю, – говорит старик, – банщиком.

Это меня сильно удивляет. Не знаю почему. Банщики – это люди, которые выныривают откуда-то из серого банного дыма, когда вы кричите: «Банщик, двадцать второй!» И, открыв ваш ящик, опять исчезают в сером парном дыму. Потом вы уходите, баня остается на месте, а банщик исчезает.

Старик называет мне и баню, в которой он работает. Я знаю ее, бывал там, помню ее по обычному для бань тошнотворному запаху мыла и потеющих паром холодных крашенных стен. Вот и у старика такое лицо, будто он всю жизнь умывается не водой, а паром. Лицо его чисто и бледно, словно вместе с грязью с него давно смыт какой-то необходимый жизненный слой. Однако тянет вот уже восьмой десяток. Он рассказывает:

– Это ж сколько бегать надо. Он выходит из бани, вылетает на себя шайку горячей воды, с него вода еще бежит, он сразу и кричит: «Банщик, открывай!» Это чтобы я быстрее открыл. Пока оденется, вокруг него лужа. Лужу надо затереть, а тут еще один выходит. И внимательным надо быть. Надо смотреть, чтобы трамвайный билет тебе вместо банного не подсунули. А стараются. Скажешь ему: «Это трамвайный». Он лезет в карман, достает настоящий. А если я кину в копилку трамвайный билет, потом ее откроют и с меня высчитают. Так до двух рублей в месяц высчитывают.

Не то чтобы он жалуется или хочет, чтобы о его работе думали, что она труднее, чем на самом деле. Он говорит:

– Не то чтобы там что-то особенное, а бдительным надо быть. Надо все время иметь внимание. А мне это уже тяжело.

Он замолкает надолго. Говорит:

– М-да...

Когда он рассказывал о своей работе, о проделках клиентов, он впервые немного одушевился. Он не гневался, не улыбался, но голос его сделался живее, и паузы между фразами были не такими продолжительными. А теперь он опять погас. Я не поощряю его вопросами, а ему не хочется уходить. Он спрашивает:

– Так вы думаете, они не имеют права просто так сломать дом?

– Нет, – говорю я.

Он еще стоит, смотрит на пол, пробует ногой угибающую половицу и прощается:

– Пойду еще к соседям пользоваться слухами.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://seminvitaly.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Хозяин. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!